

©

Канаев Е.А.
ИМЭМО РАН, НИУ ВШЭ
Сизутина А.Н.
НИУ ВШЭ

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ АЛЬЯНС и ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ для АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последнее время Япония все чаще становится ньюсмейкером событий в Южно-Китайском море (ЮКМ). Хотя стремление Токио усилить свое влияние на эту проблему просматривалось еще в начале-середине 1990-х годов¹, специфика современной ситуации такова, что японская политика Японии оказывает возрастающее влияние на эволюцию не только азиатско-тихоокеанской, но и евразийской системы безопасности и сотрудничества.

Азиатско-тихоокеанская безопасность представляет собой сосуществование двух моделей сотрудничества при том, что Китай нацелен на формирование третьей с выходом на евразийское пространство. Будет ли политика Японии в ЮКМ содействовать консолидации усилий региональных игроков по выстраиванию унифицированного поля сотрудничества и сотрудничества, как одного из ключевых условий наступления «века Азии», или же, напротив, привнесет в них ощутимый разобщающий компонент?

Южно-Китайское море в фокусе трех моделей азиатско-тихоокеанской безопасности

Процессы безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе трансформируются под влиянием глобальных и региональных тенденций, одной из которых является оформление китаецентричной модели сотрудничества. Рассмотрим каждую из существующих моделей.

Первая из них представляет собой американские альянсы, или т.н. систему коллективной безопасности (*collective security*), иначе называемую «системой втулки и спиц» (*hub-and-spoke system*). Система коллективной безопасности получи-

ла оформление в годы «холодной войны», и ее участники не скрывали намерения сдерживать «красную опасность» посредством, главным образом, наращивания собственного военного потенциала и расширения сотрудничества по военной линии. Таким образом, эта модель изначально предполагала коллективные усилия членов альянса по сохранению благоприятного для них статус-кво и военно-силового и технологического отрыва от конкурентов.

После окончания «холодной войны» такая установка, в общем и целом, осталась неизменной. Основным отличием стала смена «вероятного противника» – вместо СССР им стал Китай, а ключевой проблемой – неспособность участников альянса выработать такую линию взаимодействия с Пекином, которая выстроила бы работающие каналы коммуникации с ним и одновременно обосновала бы правомерность его силового сдерживания².

Вторая система обеспечения безопасности АТР получила в научной литературе название «безопасности на основе сотрудничества» (*cooperative security*). Она представляет собой относительно нежесткую систему мониторинга эволюции угроз региональной безопасности усилиями трех диалоговых площадок – Регионального форума АСЕАН (АРФ), Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатского саммита (ВАС). В основу системы безопасности на основе сотрудничества положен принцип консенсуса, добровольности выполнения принимаемых решений и реализации проектов со скоростью наименее расторопного из его участников³.

Третья модель обеспечения азиатско-тихоокеанской безопасности находится в процессе формирования, и пока просматриваются лишь ее общие черты. Тем не менее, уже сейчас очевидно: она будет выстроена на основе китайского проекта «Один пояс, один путь» (*One Belt, One Road, OBOR, ОБОР*). При этом Китай увязывает понятия «развитие» и «безопасность», причем последнее понимается именно в экономическом измерении. Критикуя американские альянсы, Китай утверждает, что эта система сужает возможности развития для региона, т.к., формируя вокруг Китая недружественную международную обстановку, вынуждает его перенаправить ресурсы от потреб-

ностей экономики на приоритеты безопасности. Это негативно отражается на развитии не только Китая, но и соседних с ним государств. Критикуя асеаноцентричные диалоговые форматы, Китай небезосновательно указывает на отсутствие результатов в снижении остроты угроз региональной безопасности. И лишь китаецентричная модель может дать региону источники развития за счет китайских инвестиций по мере реализации проекта «Один пояс, один путь», а следовательно, будет напрямую содействовать безопасности присоединившихся к нему стран. Китай это называет «системой общей безопасности» (*common security*).

Рассматривая проблему ЮКМ сквозь призму этих процессов, подчеркнем главное: она занимает *центральное* место в приоритетах *каждой* из моделей региональной безопасности (оба раза выделено нами – Е.К. и А.С.).

Значимость ЮКМ для участников системы коллективной безопасности очевидна: эта акватория является связующим звеном между участниками альянса из СВА и ЮВА и из СВА и южной части Тихого океана. Именно через ЮКМ придёт подкрепление американским вооруженным силам в СВА в случае возможного кризиса на Корейском полуострове. От того, как станет развиваться обстановка в ЮКМ, будет зависеть репутация США как гаранта азиатско-тихоокеанской безопасности. Действия Китая по созданию искусственных островов в акватории архипелага Спратли и его отказ признать решение Постоянной палаты третейского суда, принятое летом 2016 года, поставили этот еще недавно бесспорный тезис под вопрос. Дать на него убедительный ответ для Вашингтона тем более важно, если учесть нарастание противоречий в отношениях США с Филиппинами и Таиландом и выход США из Транстихоокеанского партнерства.

Что касается асеаноцентричных диалоговых форматов, то само их образование было обусловлено обострением проблемы ЮКМ. Усилия АСЕАН по формированию Регионального форума АСЕАН (АРФ) активизировались после принятия Закона КНР о территориальном море и прилегающей зоне в феврале 1992 г. Расширению диалоговой площадки Совещание министров обороны АСЕАН (СМО АСЕАН) до Совещания мини-

стров обороны АСЕАН+8 (СМО АСЕАН+8) предшествовала напористая политика Китая в ЮКМ после подписания Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и Технического задания совместной рабочей группы Китай-АСЕАН по внедрению в практику ее положений⁴. Впоследствии на заседаниях именно этих диалоговых форматов происходила эскалация проблемы ЮКМ, примерами чего служат ханойская сессия АРФ 2010 г., заседания Восточноазиатского саммита начиная с 2011 г. и неспособность участников СМО АСЕАН+8 принять итоговую декларацию во время третьего заседания в Малайзии в 2015 г.

Значимость ЮКМ для асеаноцентричных площадок многостороннего диалога определяется и тем обстоятельством, что после образования Сообщества АСЕАН внимание крупного бизнеса, включая транснациональный, к ЮВА возросло. Следовательно, Ассоциации необходимо убедить инвесторов, в том числе работающих в энергетическом секторе, что их проекты в ЮКМ не будут свернуты в зависимости от политической конъюнктуры. Такие гарантии тем более важны в условиях активизации азиатско-тихоокеанского направления политики внерегиональных держав, а следовательно – нарастания элементов конкуренции в отношениях между ними.

Что касается выстраиваемой Китаем системы общей безопасности, увязываемой с развитием проекта ОБОР, то ЮКМ становится индикатором того, на какой основе Китай намерен взаимодействовать с партнерами. Много свидетельствует в пользу того, что положенная в основу китайского подхода идея взаимности будет нацелена на решение проблемы ЮКМ на выгодных для Китая условиях. Руководствуясь принципом «мы дадим вам возможность развиваться, инвестируя в вашу инфраструктуру, но взамен ожидаем уважения наших интересов», Китай будет подталкивать своих соседей по ЮВА к принятию прокитайских условий урегулирования конфликта. События 2012 г., когда Камбоджа заблокировала принятие Итогового заявления 45 встречи министров иностранных дел АСЕАН, более чем убедительно продемонстрировали, что сделать это Пекину не составит большого труда.

Практика показала и системные сбои в инструментарии каждой из рассмотренных моделей безопасности применительно к проблеме ЮКМ. Активизация военно-морской деятельности США и их союзников в ЮКМ не подтолкнула Китай к сдержанности. Обсуждение противоречий на заседаниях асеаноцентричных диалоговых площадок не снизило их остроту. Не способствовал этому и лавинообразный рост экономических обменов между Китаем и АСЕАН после начала функционирования китайско-асеановской ЗСТ. Едва ли стоит рассчитывать, что компенсаторным механизмом станет проект Морской шелковый путь XXI века: нарастание конфликтности в приоритетах его потенциальных участников – сценарий почти неизбежный.

На фоне этих процессов происходит активизация политики Токио как в рамках военно-политического альянса с Вашингтоном, так и в акватории ЮКМ.

Японо-американский альянс и политика Японии в ЮКМ

Трансформация японо-американского военного сотрудничества стала ответом на вызовы, порожденные, в том числе, рассмотренными выше процессами. Ее квинтэссенция отражена в новой редакции Руководящих принципов сотрудничества в области обороны, принятой Токио и Вашингтоном в апреле 2015 г., и нескольких сопутствующих им документах.

Во-первых, возрос уровень оперативной координации усилий Вашингтона и Токио. Основная идея Руководящих принципов японо-американского сотрудничества состоит в выстраивании т.н. «бесшовного» (*seamless*) взаимодействия. Сфера координации действий охватывает практически все направления сотрудничества США и Японии, включая как взаимодействие стран в мирное время, так и в случае военной угрозы.

В разделе IV пункте “А” новых Руководящих принципов большое внимание уделено превентивной стратегии, которая применяется в мирное время. Ее основные положения включают: разведку, надзор и наблюдение (*Intelligence, Surveillance and Reconnaissance*), авиационную и противоракетную оборону (*Air and Missile Defense*), морскую безопасность (*Maritime Security*), проведение совместных учений и пр. Токио и Вашингтон

договорились продолжать совместную разведывательную и патрульную деятельность, поддерживать оперативный обмен информацией и совершенствовать систему реагирования на угрозы баллистических ракет (что особенно актуально для Японии в связи с систематическими ракетными пусками Северной Кореи). Также США и Япония продолжают защищать свободу судоходства на морских рубежах АТР, которой придается *жизненно важное (выделено нами – Е.К. и А.С.) значение*⁵.

В новой редакции Руководящих принципов повышенное внимание уделено совместным действиям Токио и Вашингтона в случае возникновения угрозы для безопасности Японии. В разделе IV пунктах “В” и “С” определен план действий Токио и Вашингтона по линии противоракетной баллистической атаки, по защите воздушного пространства и приморских районов, а также другие меры⁶. В дополнение к новым Руководящим принципам, материалы, размещенные на официальном сайте японского МИД, содержат информацию о новых поставках военной техники в Японию. США обязуются разместить патрульный самолет Р-8 на авиабазе Кадена, а стратегический разведывательный БПЛА Global Hawk будет доставлен на аэродром Мисава. Предполагаются поставки в Японию дополнительных эскадренных миноносцев типа Арли Бёрк с системой Aegis и истребителей-бомбардировщиков F-35 В⁷.

Происходит усиление значимости Японии в японо-американском альянсе. Возросла роль Японии в принятии совместных решений, существенно расширилась сфера японо-американского взаимодействия, определена и детализирована стратегия сторон в случае возникновения военной угрозы в отношении Японии. Принятие японским парламентом закона «О расширении прав Сил Самообороны Японии» в сентябре 2015 г. также повысило значимость японских сил самообороны для японо-американского альянса.

В целом, характер мероприятий, прописанных в новых Руководящих принципах, подталкивает к выводу, что применительно к АТР Вашингтон и Токио выстраивают собственную систему «ограничения и запрещения доступа и маневра» (*Anti-Access/Area Denial, A2/AD*), как коллективный ответ на аналогичную стратегию Пекина.

Повышен уровень институциональной координации взаимодействия. В ноябре 2015 г. был создан Механизм координации альянса (*Alliance Coordination Mechanism*), назначение которого, как следует из названия, состоит в координации действий японских сил самообороны и американских вооруженных сил на всех стадиях развития обстановки – в мирное время, в условиях т.н. «серых зон» и во время конфликтов. Это должно содействовать мобилизации ресурсов японских ведомств, так или иначе причастных к вопросам обороны. Предполагается проведение политических консультаций между Вашингтоном и Токио по вопросам безопасности, что свидетельствует о готовности сторон участвовать в диалоге не только на современном этапе, но и в дальнейшем.

Другим институциональным нововведением стало создание Двустороннего механизма планирования (*Bilateral Planning Mechanism*). Его назначение состоит, главным образом, в оптимизации логистического взаимодействия при проведении совместных операций по линии ликвидации последствий стихийных бедствий, спасения на море и т.д.

Наконец, заметной чертой американо-японского военного сотрудничества можно считать развитие такого его компонента, как «мягкая сила». Приняв новую редакцию «Хартии официальной помощи развитию», получившую название «Хартия сотрудничества в целях развития» (*Development Cooperation Charter*), Япония зафиксировала в ней возможность поставок военной техники, оборудования и компонентов для невоенных целей⁸. Это стало логичным продолжением фактического отказа Японии от политики запрета на экспорт вооружений и военных технологий и новой интерпретации 9 статьи японской конституции. Эти действия позиционируются Японией в позитивном ключе: на фоне роста глобальных амбиций Китая и активизации его политики в АТР именно японо-американское сотрудничество может и должно стать основным средством удерживания КНР от поведения в духе худших исторических прецедентов⁹.

Оценка, что Япония и США выстраивают «систему втулки и спиц» (*hub-and-spoke system*) уже не столько по принципу «США – союзники», сколько по вектору «США – Япония – со-

юзники», представляется вполне обоснованной. В этом процессе Япония становится если не равной США величиной, то в любом случае – их «доверенным лицом», которому можно делегировать функции, спектр и масштаб которых имеют тенденцию к расширению. При этом приоритеты Вашингтона и Токио совпадают – если в интересах первого снизить расходы на содержание альянса и подтолкнуть союзников к большей самостоятельности (а Япония может сделать и то, и другое), то второй стремится диверсифицировать собственные оборонные возможности, тем самым хеджировав риски на случай неблагоприятного изменения региональной обстановки¹⁰.

Новые акценты японо-американского военного сотрудничества отчетливо проявились на примере подхода Японии к проблеме ЮКМ. Не перечисляя все действия Токио, рассмотрим итоги турне Синдзо Абэ по странам АТР, совершенное им в январе 2017 г. Заинтересовав филиппинское руководство пакетом помощи и инвестиций на 1 трлн. йен (8,8 млрд. долларов), Япония достигла договоренности с Филиппинами о японском участии в американско-филиппинских учениях Баликатан¹¹. Во время визита С. Абэ в Австралию, Токио и Канберра подписали новое соглашение о сотрудничестве в сфере логистики, предполагающее усиление роли Японии во время японо-австралийских военных маневров¹². С логистической точки зрения для системы американских альянсов это особенно важно, т.к. позволяет активизировать фактическое сотрудничество между его северным и южным флангами. На переговорах с руководством СРВ С. Абэ заявил о готовности Японии поставить во Вьетнам шесть патрульных катеров стоимостью 338 млн долл. дополнительно к тем шести, договоренность о поставках которых Токио и Ханой достигли в 2014 г. По имеющимся данным, Ханой в дальнейшем рассчитывает на приобретение у Токио противолодочных самолетов-разведчиков и радиолокационных спутниковых систем¹³.

Прорабатывая возможности выстраивания самовоспроизводящихся связей сотрудничества по военной линии, Япония и США определили его оптимальный механизм, основанный на объективном совпадении интересов обеих сторон на современном этапе. Отсюда основания ожидать дальнейшего усиления

влияния Японии в рамках американоцентричной системы «втулки и спиц» и активизации японской политики в ЮКМ.

Последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности

Рассмотренные выше особенности японской политики в ЮКМ будут влиять на эволюцию не только этой проблемы, но и на возможности унификации параметров азиатско-тихоокеанской безопасности в приоритетах основных игроков.

Можно обоснованно ожидать раскоординации политики участников трех моделей обеспечения безопасности в АТР. Реализация Китаем проекта ОБОР почти наверняка будет сопровождаться наращиванием военных возможностей Южного флота НОАК. Японо-американо-филиппинское сотрудничество не исключает возможности подключения Токио и Манилы к проводимым Вашингтоном Операциям по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations, FONOP*)¹⁴. В свою очередь, АСЕАН будет вынуждена лавировать между Пекином и Вашингтоном с неизбежной перспективой ослабления как асеаноцентричных диалоговых форматов, так и своего статуса координатора их деятельности.

В таких условиях региону будут объективно необходимы консолидирующая повестка сотрудничества и активизация диалога с игроком, способным ее привнести. С этой точки зрения может возрасти региональная значимость России, которая в состоянии предложить своим азиатско-тихоокеанским соседям проекты, способные заинтересовать участников всех рассмотренных выше моделей обеспечения безопасности в АТР.

Такая повестка концентрируется вокруг темы наращивания взаимосвязей на евразийском пространстве. Развитие Транссибирской магистрали и Северного морского пути отвечает интересам Японии и Южной Кореи, которых Китай не включил в проект ОБОР. АСЕАН заинтересована инфраструктурно «встроиться» в пространство Большой Евразии, тем самым повышая стимулы внерегиональных партнеров инвестировать в трансграничную инфраструктуру государств ЮВА. Наконец, Китай отчетливо осознает, что его «поход на Запад» вряд ли состоится без активизации сотрудничества с Россией, прежде всего, в инфраструктурном отношении. Китайско-

российская договоренность о сопряжении строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса шелкового пути, достигнутая в мае 2015 г.¹⁵, – яркое тому подтверждение.

Ощутимый консолидирующий эффект для азиатско-тихоокеанской безопасности может принести совместное развитие потенциала российского Дальнего Востока под суверенным контролем России. Кумулятивный эффект модернизации Дальнего Востока и логистически связанной с ним Сибири даст мощный импульс модернизации азиатско-тихоокеанских стран, которым Россия сможет предложить перспективные экономические проекты, прежде всего, в сельскохозяйственном и энергетическом секторах. Это оздоровит обстановку в ЮКМ: наличие там значительных запасов биологических и энергетических ресурсов (12 % объема мирового улова рыбы¹⁶, 11 млн. баррелей нефти и 190 трлн. кубических футов природного газа на участках, не являющихся объектами разногласий¹⁷), разработку которых затрудняют разногласия по вопросу о суверенитете, в значительной степени обуславливает остроту противоречий.

Однако российских усилий может оказаться недостаточно. Проблема ЮКМ коренится в нежелании Вашингтона видеть наступление «азиатского века», а Пекина – места США в нем.

Применительно к политике США поставим следующие вопросы. Может ли «азиатский век» состояться без Китая, с которым альянсы, как единое целое, не выстроили работающую систему коммуникации? Ведь США не кодифицировали свои отношения с Китаем таким образом, чтобы снять его опасения. Призывая Пекин к ответственному поведению, Вашингтон не может убедительно прояснить встречные вопросы: будет ли со стороны Китая ответственным шагом заключение альянсов с государствами, расположенными вблизи американских границ, и проведение, например, с Кубой, военных маневров в Мексиканском заливе? А ведь в ЮКМ США и Филиппины поступают именно так.

Может ли «азиатский век» состояться без асеаноцентричных диалоговых форматов и АСЕАН как их движущей силы? На этих площадках год за годом проводятся встречи министров иностранных дел, министров обороны и глав государств и пра-

вительств наиболее влиятельных стран АТР, при этом обсуждения проводятся на подчеркнуто деидеологизированной основе. Стремление США снизить влияние Ассоциации на эволюцию проблемы ЮКМ отчетливо просматривается на примере трехсторонней договоренности США-Австралия-Япония о координации действий по вопросу о ЮКМ, принятой вскоре после решения гаагского арбитража¹⁸. Разумеется, Вашингтон, Токио и Канберра прекрасно осознавали, что эта договоренность негативно скажется на позициях АСЕАН как локомотива многостороннего диалога по вопросам безопасности. Этот эпизод в числе многих других ему подобных дает однозначный ответ на вопрос, нужна ли Вашингтону переговорная инфраструктура АСЕАН.

Анализ китайских приоритетов дает не меньше пищи для размышлений. Будет ли «азиатский век» включать такой компонент своей системы безопасности, как американские альянсы? Очевидно, что нет, и дело даже не в упомянутом выше раздражении Китая политикой США по формированию вокруг него недружественной международной среды, и не в отсутствии каналов коммуникации между альянсами и КНР. Главное – в другом: развивая сотрудничество в рамках «системы втулки и спиц», США поддерживают де-факто союзнические отношения с Тайванем, поставляя ему новейшие образцы вооружений. Перспектива новых поставок¹⁹ не может не подталкивать Пекин к мысли, что с Вашингтоном договариваться бессмысленно. Таким образом, «азиатский век» и нерешенность тайваньской проблемы на условиях Пекина – вещи, в представлении КНР несовместимые.

При сохранении нынешних тенденций антагонизм в китайско-американских отношениях по вопросу о том, быть ли – и если быть, то каким – «азиатскому веку», будет нарастать. Это стимулирует формирование Евразийского партнерства, превращающегося в новый мега-проект российской внешней политики. Осуществляемый в сотрудничестве с евразийскими государствами, этот проект имеет хорошие шансы привести к перезагрузке современных тенденций глобального развития и его последующей эволюции на основе полицентричности и приоритета сотрудничества над конфронтацией.

Выводы

Политика Японии в отношении проблемы ЮКМ отражает специфику более широких процессов безопасности и сотрудничества на азиатско-тихоокеанском пространстве. Ее квинтэссенция состоит в складывании уже не столько американоцентричной, сколько американо-японоцентричной системы коллективной безопасности. Дальнейшее развитие этой тенденции будет не только вести к систематической эскалации проблемы ЮКМ, добавляя в американо-китайские противоречия японскую составляющую, но и препятствовать унификации параметров процессов сотрудничества в сфере безопасности АТР.

В годы «холодной войны» Азиатско-тихоокеанский регион и Восточная Азия, как его «ядро», преуспели в создании т.н. «экономического чуда». На современном этапе перед регионом стоит новая задача – формирование геополитического чуда, понимаемого как способность активизировать процессы глобального развития и привнести в него сильный консолидирующий компонент. Едва ли можно ожидать, что японо-американское сотрудничество по проблеме ЮКМ будет способствовать достижению этой цели.

При условии, что этот тезис верен, поставим более широкие, концептуальные по своему характеру вопросы. Какой институциональный формат является оптимальным для азиатско-тихоокеанской безопасности, и будут ли в него интегрированы компоненты американоцентричной системы «втулки и спиц»? Если ответ на первый вопрос требует детальной экспертной проработки, то на второй он однозначен: цель американской политики по маргинализации Китая, России и АСЕАН, как основных азиатско-тихоокеанских акторов, не соответствует ни оформлению «азиатского века», ни выстраиванию необходимых для этого институтов.

¹ Подробнее см.: Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. – М.: Готика. 2007. С. 204-215.

² Подробнее см.: Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад / отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2013.

³ Подробнее см.: Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В.Михеева, В.Г.Швыдко. М.: Магистр. 2014. С. 122-139.

⁴ Подробнее см.: Канаев Е.А. Совещание министров обороны АСЕАН+8. // Север – Юг – Россия 2013. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева – М.: ИМЭМО РАН. 2014. С. 116-118.

⁵ The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. 27 April 2015. URL: // <http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf>

⁶ Там же.

⁷ 岸田外務大臣, ケリー一国務長官. 新たな日米防衛協力のための指針. (Aratana Nichibei bōei kyōryoku no tame no shishin). 2015年4月27日. [Новые Руководящие принципы японо-американского военного сотрудничества]. URL: // <http://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000078185.pdf>

⁸ 閣議決定. 開発協力大綱. (Kaihatsu kyōryoku taikō). [Хартия сотрудничества в целях развития]. 平成27年2月10日 URL: // <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000072774.pdf>

⁹ 中国が平和主義国で日本こそが戦争を始める国. (Chūgoku ga heiwa shugi kuni de Nihon koso ga sensō o hajimeru kuni). [Китай - страна, которая начнет войну против пацифистской Японии]. 平成27年09月08日 URL: // <http://seijigaikou.com/articles/68615.html>

¹⁰ 浅井一男. 新たな日米防衛協力のための指針: その経緯と概要, 論点. 調査と情報 874 (2015): 巻頭. (Aratana Nichibei bōei kyōryoku no tame no shishin: Sono ikisatsu to gaiyō, ronten. Chōsa to jōhō). [Новые Руководящие принципы японо-американского военного сотрудничества: история, обзор, спорные моменты. Исследование и информация]

¹¹ Prashanth Parameswaran. What Will the Biggest US-Philippines Military Exercise Look Like Under Duterte? The Diplomat. 18 April 2017. URL: // <http://thediplomat.com/2017/04/what-will-the-biggest-us-philippines-military-exercise-look-like-under-duterte/>

¹² Kelly J. Regional Security Focus for Shinzo Abe Visit. The Australian. 12 January 2017. URL: // <http://www.theaustralian.com.au/national-affairs/foreign-affairs/regional-security-focus-for-shinzo-abe-visit/news-story/a76c48f7fc44ed7d2542db42a7162e88>

¹³ Cook M., Suryadinata L., Izzuddin M., Le Hong Hiep. Japan Seeks Stronger Strategic Ties in Southeast Asia. ISEAS Perspective. N. 5. 2017. URL: // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEASPerspective2017_5.pdf

¹⁴ Подробнее о программе FONOP в Южно-Китайском море см.: Tang Siew Mun. US FONOPS and ASEAN. ASEAN Focus. Issue 3. 2015-2016. P.

10-11. URL: //

<https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/DEC15ASEANFocus.pdf>

¹⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015. URL: // <http://thediplomat.com/2016/07/the-south-china-sea-is-really-a-fishery-dispute/>

¹⁶ Greer A. The South China Sea Is Really a Fishery Dispute. The Diplomat. 20 July 2016. URL: // <http://thediplomat.com/2016/07/the-south-china-sea-is-really-a-fishery-dispute/>

¹⁷ Канаев Е.А. АСЕАН, проблема Южно-Китайского моря и поворот России в Азию. // Проблемы и перспективы эволюции системы международной безопасности на транстихоокеанском пространстве. Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН. 2014. С. 49-59.

¹⁸ Joint Statement of the Japan-United States-Australia Trilateral Strategic Dialogue. Media Note. Office of the Spokesperson. Washington, DC. July 25 2016. URL: // <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/07/260442.htm>

¹⁹ Brunnstrom D., Spetalnick M. Trump Administration Crafting Big New Arms Sales to Taiwan: Sources. Reuters. 17 March 2017. URL: // <http://www.reuters.com/article/us-usa-taiwan-arms-idUSKBN16O2LQ>